

Владимир Михайлов

О спорт, ты...

*Часть сборника
Решение номер три (сборник)*

Владимир Михайлов

О спорт, ты...

«Автор»

2004

Михайлов В. Д.

О спорт, ты... / В. Д. Михайлов — «Автор», 2004

«Баал Бесс лежал на диване и плевал в потолок, когда в дверь постучали. Баал не повёл и бровью: он не ждал гостей и ещё менее – кого-нибудь другого. Он не был настроен на общение. Не потому, чтобы кто-то его чем-то обидел или мог обидеть; просто ему было хорошо, настолько хорошо, что любая перемена могла изменить его состояние лишь к худшему. А этого он никак не желал. Ему было прекрасно, потому что...»

© Михайлов В. Д., 2004

© Автор, 2004

Владимир Михайлов

О спорт, ты...

Баал Бесс лежал на диване и плевал в потолок, когда в дверь постучали.

Баал не повёл и бровью: он не ждал гостей и ещё менее – кого-нибудь другого. Он не был настроен на общение. Не потому, чтобы кто-то его чем-то обидел или мог обидеть; просто ему было хорошо, настолько хорошо, что любая перемена могла изменить его состояние лишь к худшему. А этого он никак не желал.

Ему было прекрасно, потому что...

Во-первых, ему ничего не нужно было делать. Никто от него больше ничего не ждал. Никаких обязательств. Никаких дел. Никаких усилий. Значит, и никаких мыслей – кроме разве что тех, которые могли доставлять одно лишь удовольствие.

(Стук в дверь повторился, но Баал вновь не откликнулся.)

Второе вытекало из первого: раз от тебя больше ничего не ждут, то и приставать к тебе никто не станет; а учитывая, что мир населён преимущественно бездарями и идиотами, возможность не видеть и, главное, не выслушивать никого из них становится прямо-таки бесценным даром судьбы.

(Уже не «тук-тук», но прямо таки «бум-бум»! Похоже, на сей раз ногой. Ну, кто-то обнаглед до последнего. Встать, поучить его хорошим манерам? Да нет, они все того не стоят, чтобы спустить ноги с дивана, сесть, а затем и встать, сделать шаг к двери, другой, третий...)

Третье благо как бы подразумевалось само собой: выразительная сумма на карточке (папа, великий человек, успел при жизни заработать немало, а вот потратить не успел) и всё, с нею связанное, давало возможность не строить планов на ближайшее, и даже не столь ближайшее будущее, а просто жить так, как хочется. Без всяких режимов, тренировок, переездов, игр, волнений, вспышек честолюбия, разочарований, критики в газетах, с экранов, взглядов и словечек товарищей по команде. С этим всё. Завязано навсегда. В конце концов, надо пожить и для себя, а не только для болельщиков...

Подумав так, Баал Бесс тут же поступил совершенно непоследовательно. А именно – насторожился, вскочил и сделал те самые три шага к двери, мысль о которых только что с негодованием отвергал.

Сделал он так потому, что вместо стука теперь слышалось другое: привычное мягкое, вкрадчивое воркование замка. Кто-то, не надеясь больше, что ему откроют, сам предпринял попытку отворить дверь – и попытку удачную. Причём не стал взламывать дверь, а весьма аккуратно отпер замок невзирая на все его хитрости и блокировки.

А это мог совершить один-единственный человек. Великий Тренер, старый друг семьи. Однако он находился – во всяком случае, должен был находиться, судя по всем источникам спортивной информации, достаточно далеко отсюда, в тысячах километров, – за морем, где разыгрывалось сейчас первенство мира по лонгу. Так что ожидать, что он вдруг окажется на пороге, было по меньшей мере легкомысленно. Кто же в таком случае?... Загадка.

Загадка разрешилась тут же. Всё же это был он. Примчался из-за моря, как на пожар. Пронюхал. Прилетел. И вошёл. Вот просто как к себе домой: бесцеремонно, чтобы не сказать просто – нахально. Глазами выстрелил дуплетом в Баала. Потом глаза опустились ниже. И как раз туда...

Чёрт, хотел ведь вовремя всё убрать. Выкинуть. Чтобы и следов не оставалось. Знал же, что он придёт, не оставит в покое, не отпустит душу на покаяние. Но как-то отвлёкся на приятные мысли, и вот – всё налицо. Дюжина бутылок, и все – полные. Хоть бы одну успел отку-

порить! Скверно. Сейчас он включит свой диск на полные обороты, и начнётся распиловка на тонкие ломтики...

Но – не сдаваться! Не унывать! Никто ни перед кем не виноват. Всякий человек является свободным и вправе принимать решения. Главное – не уступить! Не дрогнуть душой, как это не раз случалось раньше. Держись, Баал!

Великий тренер подошёл к стулу. Вытащил его на середину комнаты. Сел. Расставил ноги, как бы для устойчивости.

Баал же поспешно вернулся на исходную позицию: на диван. Улёгся, стараясь, чтобы это получилось как можно непринуждённое и независимое. Чтобы сразу показать, кто здесь хозяин. Совсем хорошо было бы – повернуться к визитёру спиной. Но на это он не решился. Только чуть поёрзал по дивану. Вдохнул и устремил на гостя взгляд – из тех, каким кролик смотрит на приблизившегося удава. Но всё же заставил себя проговорить как можно легкомысленнее:

– Что, тренер Мант? Что-нибудь стряслось?

И удав не заставил себя ждать.

Он вытащил из портфеля целую пачку бумаг. И протянул Баалу:

– Подписывай. И без всяких!

Рука Баала сама собой дёрнулась навстречу. Но он усилием воли – тех остатков, что ещё жили в нём, – перехватил её на полдороге. Заставил вернуться. И сказал:

– Не стану. Я же говорил – всё. Без вариантов.

Тренер Мант ещё секунду-другую подержал пакет в воздухе. Потом бросил на стол, привычно угодив в самый центр.

С минуту, никак не меньше, они смотрели друг на друга. Ни один не отвёл взгляда, хотя у Баала от этого поединка даже пот проступил на лбу.

– Ладно, – сказал тогда тренер. – Давай разбираться.

Это было шагом к отступлению. И Баал ощутил прилив энергии.

– Разбираться не в чем, тренер, – сказал он. – Ты сам знаешь: я не игрок. И нечего дальше втирать очки ни себе, ни другим. Не хочу. Что мог – показал. И этого слишком мало. Рядом с мастерами я – ничто. Не хочу больше краснеть. У меня есть совесть, в конце концов...

Тренер Мант вздохнул.

Он и сам прекрасно знал, что игрок прав. Он – посредственность. Не более того. И никогда ничем большим не станет. Однако...

Баал же тем временем продолжал:

– Ты ведь помнишь мою биографию. В клонте я ни разу не добирался даже до восьмой финала. В трибе: всех достижений – снёс три яичка в свои ворота. В лонге – ...

– Да помню я, – с досадой в голосе проговорил тренер Мант, даже не с досадой – а с каким-то отчаянием. – Помню!

– Так зачем ты меня терзаешь? Ну не рождён я для того, чтобы становиться чемпионом. Ни в чём. Нет такого спорта! Зато, может быть, в чём-то другом я себя найду. Так оставь же меня в покое! И тебе все спасибо скажут – и игроки, и владельцы, и публика...

Тут тренер Мант не выдержал. И сказал:

– Да кончай ты! Что думаешь – я сам этого не знаю? Какой же я был бы тогда тренер, если бы таких вещей не видел, не понимал?

– Так в чём же, в конце концов...

– А в том, – ответил тренер сердито. – В том, – повторил он уже почти с отчаянием. – В том, – произнёс он и в третий раз, теперь сжав кулаки, – что я дал слово! И не сдержать его никак не могу. И пока жив – буду стараться обещанное выполнить. Вот такой я человек, Баал. Тебе меня не переделать, и никому не переделать. А освободить меня от данного слова не может никто. Потому что нет этого человека больше. Усёк?

– Да кто же он такой? – спросил Баал. – Кто он был? – тут же поправил он сам себя. – Чтобы брать с тебя такие обещания?

Хотя он уже предчувствовал, даже больше: знал, каким окажется ответ.

– Кто-кто, – хмуро ответил тренер Мант. – Твой отец, кто же ещё.

– Мой отец, – медленно, как во сне, повторил Баал Бесс.

А отцом его был Ленат Бесс. Великий Ленат Бесс, ни более ни менее.

Такие величины, как он, во все времена в спорте исчислялись единицами. О них слагали легенды. При жизни ставили памятники.

В клонте он на протяжении пятнадцати лет не позволял никому выиграть хоть один сколько-нибудь значительный турнир; а в незначительных он и не выступал. Восемьдесят шесть «Планетариумов» – рекорд всех времён!

В трибе, в котором он выступал, когда завершался сезон клонта, а иногда и совмещая одно с другим, когда календари налезали друг на друга, – снёс в гнёзда противников тысячу двести пятьдесят три яичка. Ровно столько набрали двое следующих за ним по результативности трибалов – в сумме. Нужны ли пояснения?

И, наконец, в лонге не допустил ни единого промаха ни на одной дистанции на протяжении двадцати трёх лет, одерживая победы и тогда, когда из других видов он ушёл по возрасту – ушёл непобеждённым.

Вот каким человеком и бойцом был отец Баала. И будь он жив сейчас...

«Будь он жив сейчас», – так подумали одновременно и сын Баал, и старый друг, тренер Мант, величиной своей, пожалуй, не уступавший – или почти не уступавший Ленату-спортсмену. Менее известный, конечно, массам – потому что если спортсменов знают все, то конструкторов их успехов, как правило – только профессионалы. Но от этого не становящийся менее великим.

«Будь он жив, он давно раскусил бы меня и махнул рукой на мою спортивную карьеру, – так предположил сын. – И позволил бы поискать для себя другое дело – в котором я, может быть, тоже не стал бы чемпионом мира, но хотя бы поднялся до заметной высоты...»

«Не окажись он тогда в этом самолёте, он сейчас сказал бы мне: „Мант, ты меня знаешь: если я чувствую в человеке великого чемпиона – значит, чемпион в нём есть. Надо только найти – в чём именно“. И, наверное, он был бы прав. Во всяком случае, сколько я его знал, он ни разу не ошибался. Ни когда предрекал крутой взлёт новичку, ни, напротив, говоря: „Дальше он не пройдёт ни шагу“, когда все были уверены, что человек – в двух минутах от величия. Ни единого промаха. Конечно, о своих детях трудно, наверное, судить совершенно беспристрастно, но Лената трудно было обвинить в необъективности. „Ты не выкладываешься полностью, – сказал бы он, – потому вы оба и не нашли его истинного места. Давай, Мант, работай! И не иди на поводу у мальчика: он рассуждает честно, это хорошо, но он сам себя ещё не чувствует. В конце концов, он – исполнитель, его творчество – в качестве исполнения, а конструктор – ты. Тем более – ты же обещал!“

Обещал, да...

– Баал, – сказал тренер Мант, когда пауза закончилась. – Скажи на милость: зачем ты собрал тут эту коллекцию стеклотары? Ты же человек непьющий, я-то это знаю. К чему?

Баал Бесс пожал плечами:

– Не употреблял, верно. Но если меня не отпустят – начну, честное слово. Мант, я твёрдо решил. Мне, конечно, далеко до отца по результатам, но слово я тоже держу. И вот предупреждаю и обещаю: если ты...

– Стоп! – перебил его Мант, подняв руку. – Подожди со словом. Предлагаю перемирие. Я не настаиваю на продлении контракта. Но и ты не принимаешь крутых решений. Давай встре-

тимся через... три дня. И за это время я постараюсь – не ухмыляйся, я совершенно серьёзно – найти такой вариант, который устроил бы нас обоих – да и всех остальных тоже.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.